

**СЕМЕЙНЫЕ УСТАНОВКИ И ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ В ПОЛИТИКЕ
МОСКОВСКИХ КНЯЗЕЙ XIV - XV ВВ.**

DOI: 10.25629/НС.2018.12.02

БОРИСОВ Н.С.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. Россия, Москва

Аннотация. Общепринятое положение о наследственном характере политики московских князей восходит к «Курсу русской истории» В. О. Ключевского. Согласно Ключевскому, потомки Даниила Московского были воспроизведением одного и того же фамильного типа – долгим рядом посредственностей. Такая трактовка была органически связана с общей картиной отечественной истории, созданной историком. Она служила одной из составляющих известного исторического парадокса Ключевского: в истории России малые люди делали большие дела. Отдавая должное литературному мастерству Ключевского, необходимо признать слабую убедительность предложенной им схемы. Московские летописи XIV – XV вв. свидетельствуют о том, что главное условие выработки устойчивого фамильного типа политического поведения – прямое наследование власти от отца к сыну и передача навыков власти («из рук в руки» – было недостижимой мечтой московского княжеского дома. В силу ряда обстоятельств траектория наследования верховной власти потомками Даниила выстраивалась неожиданным и непредсказуемым зигзагом. Отцы обычно уходили в мир иной не успев передать свой политический опыт, свою систему нравственных приоритетов сыновьям. Однако проигрывая на одном поле, московский дом выигрывал на другом. Большинство московских князей не были обременены отцовскими императивами и строили свою политику самостоятельно. Такая свобода действий способствовала более продуктивному выбору целей и средств политической борьбы.

Ключевые слова: Возвышение Москвы, Даниил Московский, Иван Калита, Семен Гордый, Дмитрий Донской

Введение

Рассуждая о причинах, способствовавших возвышению Москвы и превращению ее в столицу единого Русского государства, историки обычно называют следующие положения:

1. Москва – перекресток торговых путей;
2. Москва – относительно безопасное от татарских набегов место;
3. Союз московских князей и церкви;
4. Дальновидная политика московских князей.

Однако уже А.А. Зимин в своей книге «Витязь на распутье» поставил под сомнение убедительность первых двух предположений этой схемы. Ученый утверждал, что доказать преимущество географического положения Москвы по сравнению с ее основными политическими соперниками (Тверью, Нижним Новгородом, Рязанью, Великим Новгородом) невозможно. Равным образом сомнительно и положение о большей безопасности Москвы по сравнению с другими центрами (Зимин, 1991, с. 191–195).

Соглашаясь с Зиминым, мы можем добавить к его суждениям сделанное нами в книге «Русская церковь в политической борьбе XIV – XV вв.» наблюдение о том, что деятельность митрополитов киевских и всея Руси Максим, Петра и Феоноста до 1360-х гг. (бегство из Литвы в Москву святителя Алексия) не имела однозначно промосковского характера (Борисов, 1986. с. 194). В интересах Константинополя действовали и митрополиты-византийцы Киприан (1380 – 1382, 1390 – 1406) и Фотий (1408 – 1431). Только с восшествием на кафедру Ионы можно говорить об установлении явно промосковской позиции митрополичьей кафедры.

Таким образом, основная нагрузка в рассуждениях об успехах ранней Москвы ложится на четвертую причину – определенным образом выстроенную политику московских князей. В чем же состоял секрет успеха московских Даниловичей? Плачевное состояние источниковой базы (отсутствие документов личного характера, утрата раннемосковского летописания, гибель московских архивов в XVI – XVII вв.) не позволяет дать однозначный ответ на этот вопрос. Однако некоторые смысловые пунктиры могут быть проведены.

По стопам В.О. Ключевского...

Как и все прочие ремесла ремесло правителя в средние века было наследственным. В отсутствие учебников, школ и политологических факультетов университетов единственной формой подготовки будущих правителей была практика. Правитель-отец объяснял правителю-сыну или правителю-внуку свои действия, раскрывал свою систему ценностей, свое понимание законов власти. Своего рода наглядным пособием для изучения науки повелевать служила история, запечатленная в летописях и хрониках или же рассказанная очевидцами событий. И всё же главным образованием наследника престола оставались наставления старшего в правящей семье, имевшее характер категорического императива.

При таком положении вещей в правящей династии постепенно формировался своего рода компендиум правил и наставлений, передающихся из поколения в поколение и непрерывно пополняемый в связи с изменениями в жизни данного общества. В этот компендиум входили установки как политического, так и нравственного, религиозного и житейского характера. Примером может служить знаменитое Поучение детям Владимира Мономаха.

Подобный неписанный устав мог существовать и передаваться из уст в уста в каждой княжеской семье XIV – XV вв. Однако «мог существовать» не значит «существовал».

Итак, мы ищем то, что можно определить, как дух той или иной княжеской династии. Первым, кто на деле попытался решить эту задачу инструментами профессионального историка, был В. О. Ключевский.

Само по себе наличие некоего таинственного архетипа социального поведения в московской княжеской семье не вызывало сомнения у Ключевского. «Всматриваясь в них (московских князей – *Н.Б.*), легко заметить, что перед нами проходят не своеобразные личности, а однообразные повторения одного и того же фамильного типа. Все московские князья до Ивана III как две капли воды похожи друг на друга, так что наблюдатель иногда затрудняется решить, кто из них Иван и кто Василий» (Ключевский, 1988, с. 47).

Однако не найдя в источниках достаточно материалов для индивидуальных характеристик московских князей, Ключевский пришел к сомнительному выводу о безликости и бездарности потомков Даниила Александровича. Украшая свой «Курс лекций» яркими историческими портретами правителей, Ключевский несколько раз возвращался к образам московских князей. Но портрет даже одного из них так и не вырисовывался. Не найдя в источниках достаточно материала для исторических портретов, Ключевский вышел из положения путём построения одного из своих знаменитых парадоксов – парадоксального сочетания между величием дела объединения Руси и ничтожеством его исполнителей.

Следуя по стопам Ключевского, обратимся к личности московских династов, подбирая хотя бы те крохи сведений о них, которые сохранили источники.

Даниил Московский

Основатель московской династии князь Даниил Александрович остался без отца в 1263 г. в возрасте 2 лет. Судя по тому, что он провел детство при дворе дяди – тверского князя Ярослава Ярославича, мать тоже рано покинула этот мир. Полагают, что свой московский удел, созданный для него по завещанию Александра Невского, Даниил получил в возрасте 15 лет в 1276 г. Таким образом, Даниил практически был сирота.

Вероятно, этим положением сироты на бедном уделе объясняется весьма осторожное поведение Даниила в раздиравшем Северо-Восточную Русь противоборстве между его старшими

братьями Дмитрием Александровичем и Андреем Александровичем. Лишь в конце 1290-х гг. Даниил, накопив силы, начинает борьбу со старшим братом Андреем Городецким за великое княжение Владимирское и новгородское княжение. Этот всплеск боевой активности Даниила, принеший Москве Коломну, Переяславль-Залесский и возможно – Можайск, едва ли был его собственной инициативой. Обстоятельства складывались так, что Даниил должен был позаботиться не только о себе, но и о своих подраставших сыновьях – Юрии, Борисе, Александре, Иване и Афанасии. Можно полагать, что у Даниила помимо сыновей было и примерно столько же дочерей, нуждавшихся в хорошем приданом.

Даниил умер внезапно в возрасте 42 лет. На внезапность этой кончины косвенно указывает тот факт, что князь не оставил завещания. Во всяком случае, никаких следов этого завещания не сохранилось. Нет сведений о том, кто была жена Даниила и пережила ли она мужа.

Юрий Данилович

Старший из сыновей Даниила князь Юрий возглавил семью. Однако он, кажется, не спешил раздавать братьям уделы, чем вызвал раздор в семье. Александр и Борис бежали в Тверь. Александр вскоре умер в изгнании, а Борис, покаившись, вернулся под руку старшего брата и смирился с ролью безудельного князя.

Затеяв распрю с Тверью, Юрий довел ее до состояния лютой вражды. Коренной чертой характера этого человека было честолюбие. С годами в нем накопилась какая-то непомерная злоба на окружающий мир. Он вел борьбу с Михаилом Тверским с таким ожесточением, которого не могли понять даже втянутые в эту распрю татарские мурзы. Но против Юрия была сама судьба. Он тщетно пытался сражаться с ней. Осенью 1325 г. в случайной короткой схватке в Орде он столкнулся с таким же как и он сам кипящим ненавистью бойцом – Дмитрием Михайловичем Тверским, и пал от его руки. Наследников Юрий не оставил.

В итоге Юрий вошел в историю московского княжеского дома сухой ветвью. Московские летописи, следуя запросам потомков Калиты, мало и неохотно рассказывают о Юрии. Даже могила его затерялась в темных глубинах московского некрополя...

Иван Калита

Драматическая судьба Юрия стала уроком для его младшего брата Ивана. Неотвратимость наказания за совершенное зло на примере Юрия являлась со всей очевидностью. Иван рано стал набожен и твердо усвоил заповедь о нищелюбии как лучшим оправдании княжеских грехов.

И небо заметило смирение Ивана. Четвертый из пяти сыновей Даниила, Иван вдруг оказался первым в очереди на московский и владимирский трон. Все его старшие братья рано ушли из жизни, не оставив потомства.

Из этой перемены в своей жизни Иван сделал один вывод: главное – угодить Богу. Для этого он готов был отдать всё, зная, что всё вернется сторицей. Он выстроил в Кремле митрополичий двор и пять каменных храмов, переманил в свои владения главу русской церкви митрополита Петра и по кончине похоронил его в одном из своих соборов. Иван придал своему стяжанию провиденциальное значение. Он первым заговорил о «собрании земли Русской». С глубоким смыслом главный храм Кремля был посвящен общерусскому культу Успения Божией матери.

Известно, что в средневековой Руси в знатных семьях тщательно следили за родословными росписями, называли детей именами дедов и прадедов, учились у предков искусству управления людьми. Данилович с его необычным прозвищем Калита стал образцом для трех поколений князей. Урок Калиты – терпение и благочестие, собрание Руси при помощи Орды. Чего стоили одни только его семь поездов в Орду... И сколько русских пленников было им выкуплено в Сарае и возвращено на Русь. Об этом красноречиво свидетельствует его второе прозвище, сохраненное одной из новгородских летописей - Иван Добрый (Новгородская первая летопись, 2000, с. 561).

Примечательно, что Калита сначала построил свои пять кремлевских церквей, а уже потом окружил их новой крепостной стеной. Так поступит и его потомок Иван Великий, строивший на кремлевском холме сначала собор, потом крепость, а уже потом – собственный дворец...

Семен Гордый

Семен стал Гордым вероятно еще в детстве. Об этом говорит сам домашний характер прозвища: осуждающий, но при этом снисходительный, слегка насмешливый. Гордость – грех. Но грех, который в списке качеств правителя становится почти добродетелью.

Семен любил родителей и в завещании умолял наследников хранить их память. «А пишу вам се слово того дея, чтобы не перестала память родителее наших и наша, и свеча бы не оугасла» (Духовные и договорные грамоты, 1950, с. 14). Но в эпоху, когда смирение считалось высшей добродетелью, гордость Семена со временем выросла до такой степени, что стала требовать наказания. И оно последовало. Своей жизнью и жизнью всей своей семьи за исключением тверской княжны Марии он заплатил за гордость... Великий мор 1353 г. был послан на Русь за грехи ее слишком гордого правителя. Во всяком случае, именно так два века спустя народ объяснял причину тяжелых бедствий в правление Бориса Годунова.

Иван Красный

Юрий Данилович и Семен Гордый – две засохшие ветви московского древа. На смену Семену из тени неизвестности вышел Иван Красный. Вероятно, он был прозван так за то, что родился на Красную горку – 30 марта 1326 г. Такое прозвище скорее свидетельствует о его добродушии, нежели о гордости и властолюбии. Иван не рассматривался в семье как наследник престола. Впереди него стояли Семен Гордый и сыновьями, а затем третий сын Калиты Даниил (1320 – до 1336). Только дуновение чумы открыло ему путь к престолу. Оно же, надо полагать, и унесло его в могилу.

Как правитель, Иван был тих и осторожен. Историки, следуя некоторым летописям, говорят о слабости Ивана.

Дмитрий Донской

Следующее поколение московских Даниловичей помимо удельного князя Владимира Серпуховского представлено Дмитрием Донским (родился в 1350 г.) и его малолетним братом Иваном, умершим в 1364 г.

Иван Калита и его сыновья представляли единое политическое мышление, суть которого – мир с Ордой, кропотливое собирание Руси мирными средствами. Разрыв поколений сыновей и внуков Калиты, совпавший по времени с началом политической раздробленности в Орде (1357 г.), сделал необходимым выработку новой московской стратегии. Такой поворот был по плечу только незаурядному правителю, воодушевленному яркой религиозной идеей. Дмитрий Донской и был таким правителем. Он пришел к власти, счастливо избежав повальной эпидемии чумы. Такая удача рассматривалась и окружающими и самим счастливчиком как свидетельство особой божьей благодати. Дмитрий вырос практически без отца. Он был свободен от властных императивов отцовского опыта.

Стяжание славы было не менее сильным мотивом поведения для русской знати, нежели для современного ей европейского рыцарства. В полной мере утвердившись как самостоятельный правитель после отражения трех походов литовского князя Ольгерда на Москву в 1370 – 1372 гг., Дмитрий почувствовал, как смутное желание совершить какое-то небывалое и славное дело приобретает отчетливые очертания. Таким делом должна быть стать война с Ордой...

Для выхода на брань с «погаными» Дмитрию понадобилось переступить через заветы старшего поколения московской знати. Беглый московский подьячий времен царя Алексея Михайловича Григорий Котошихин в своей знаменитой книге рассказывает, что митрополит Алексей требовал давать поминки (подарки, дань) татарам. «Также он, митрополит, заклинал Московское государство, чтоб они сами на Крымских людей войною не ходили, а утешали б нечестиваго (хана – Н.Б.) дарами; а ежели они через его заклинание учнут на Крым ходить войною, и им в

войне не даст Бог поиску, а в земле плоду, разве они, Крымские люди, сами учнут войною приходить – и против них стояти повелел» (Бунташный век, 1983, с. 450). Понятно, что под «крымскими людьми» во времена митрополита Алексея следует разуметь ордынцев.

Вопреки закланию Алексея, которое отражало настроения московского боярства, Дмитрий в 1374 г. бросил вызов Орде. Кульминацией этой войны стала Куликовская битва, а расплатой за дерзость и риск – погром Москвы Тохтамышем в августе 1382 г.

Дмитрий Донской подобно Ричарду Львиное Сердце был пассионарной личностью, непредсказуемой и склонной к иррациональным поступкам. И в этом качестве он был любим народом и войском. В нем видели божьего избранника, призванного совершить необыкновенные дела. И сам он вполне соглашался с общим мнением.

Дмитрий Донской был героическим типом правителя и прожил всего 38 лет. Его многочисленная семья осталась на попечении старшего сына Василия. Это был совершенно иной характер. В 1383 г. в возрасте 12 лет он был взят заложником в Орду. Из Орды через Литву он вернулся в Москву только в январе 1388 г. (Греков, 1975, с. 189) Таким образом, в возрасте ученичества, от 12 до 17 лет, он был оторван от дома и не мог получать наставлений отца. Его учителями стали Тохтамыш и Витовт.

Василий Дмитриевич

Василий не унаследовал властного характера отца. Напротив, он был осторожен до робости. Не ладились у Василия и дела семейно-династические. Всего семь лет прожил первый сын Юрий. В 1417 г. в возрасте 21 года умер второй сын Иван. Третий сын Даниил умер в младенчестве. Четвертый, Семен, умер весной 1405 г., не дожив до года. После этого около 10 лет Софья не рожала детей. И только 10 марта 1415 г. на свет появился младший сын Василий. Такой разрыв между рождением предпоследнего и последнего ребенка не остался незамеченным. По Москве пополз ядовитый слух, что Василий рожден не от великого князя, а от кого-то другого. Устойчивость этой молвы подтверждает уже тот факт, что о ней сообщает в своих «Записках о Московии» австрийский посол барон Сигизмунд Герберштейн (Герберштейн, 1988, с. 65). «Василий Дмитриевич оставил единственного сына Василия, но не любил его, так как подозревал в прелюбодеянии свою жену Анастасию».

Василий Темный

В своем завещании Василий Дмитриевич довольно неопределенно говорит о правах Василия II на московский трон. «А даст Бог сыну моему великое княженье, ино и яз сына своего благословляю, князя Василья» (Духовные и договорные грамоты, 1950, с. 61).

Мучительные сомнения в своем происхождении, вероятно, отравляли жизнь наследника. Эти дворцовые тайны способствовали вспышкам продолжавшейся 28 лет династической войны между сторонниками Василия и сторонниками галицкого семейства – потомков второго сына Дмитрия Донского Юрия Звенигородского и Галицкого.

Василий Васильевич в своей по большей части неудачной деятельности выглядит правителем истерического склада, склонным то к приступам трусости, то ко вспышкам храбрости. Подобно Ивану Грозному он проявляет необычайную жестокость при расправе со своими врагами, а то и просто невинными жертвами.

Иван III

Обозрев всю галерею московских князей XIV-XV вв., обратимся наконец к Ивану III. Размышляя над опытом своего отца Василия Темного, Иван прежде всего хотел не повторять его ошибок и не допускать его слабостей. Это вечное отрицание сыном наставлений отца коренилось в глубине отношений Ивана и Василия. Вся политика Ивана в ее практическом измерении есть отрицание политики его отца. В противоположность отцу Иван III действует неторопливо и обдуманно. Он обладает стратегическим мышлением, умением заглядывать в будущее и просчитывать последствия своих шагов. На первый взгляд он кажется холодным и медлительным.

Но скрытый под маской равнодушия сильный темперамент, унаследованный вероятно от матери, княгини Марии Ярославны из серпуховского дома, всё же временами дает о себе знать. Он любит побеждать огонь. Летописи сообщают, что Иван лично руководил тушением пожаров, часто вспыхивавших в бревенчатой Москве.

У Ивана не заметно какого-то особого религиозного воодушевления, которого можно ожидать от потомка благочестивого Калиты. Он не мнит себя Божьим избранником. Он силен и успешен как политик-практик в духе Макиавелли. Рассказы «римлянки» Софьи и наблюдательного Фиораванти, конечно, не прошли для него даром. Любознательный от природы, Иван понял, как устроена Европа и как надо действовать, чтобы с гордо поднятой головой войти в ее сообщество.

На прежняя возвратимся...

Отталкиваясь от приведенных выше портретных характеристик московских князей, вновь обратимся к Ключевскому. Существовали ли в действительности фамильный тип московского князя XIV – XV вв., о котором рассуждал Ключевский? И если да, то в чем же его характерные черты?

Увы, Ключевский незаметно перешел черту, отделяющую историю от литературы. Столь привлекательные для читателя и слушателя парадоксы Ключевского служат примером ораторского искусства, но не находят подтверждения в исторических источниках. Это, конечно, не значит, что так не могло быть в действительности. Могло. Но не более того. Доказать это на имеющейся источниковой базе невозможно. Скорее, напротив. История ранней Москвы складывалась так, что единый фамильный тип правящей княжеской семьи просто не успевал возникнуть. Верховная власть часто переходила от одной ветви Даниловичей к другой. А если верить молве о побочном происхождении Василия Темного, то надо признать, что и сама династия московских Даниловичей прервалась после кончины Василия I.

Политическое и религиозно-нравственное наследие, которое оставил своим преемникам каждый из восьми правивших в Москве до Ивана III князей, было слишком разнообразным, чтобы говорить о какой-то семейной парадигме. Единственное, что превращало весь этот водоворот мелких целей и эгоистических интересов в некий осмысленный исторический процесс «собрания земли Русской» – это свойственная человеку потребность упорядочивать окружающий мир, превращать первобытный хаос в некий осмысленный и пригодный для жизни космос.

Иван III не мог быть продолжателем московского фамильного типа правителей уже потому, что единственным его наставником в деле управления был отец, Василий Темный, с которым он 14 лет шел рядом в качестве соправителя и поводыря. Но увы, Василий Темный был самым неудачливым из всех Даниловичей. Его опыт мог быть полезным для Ивана только в качестве антитезы.

Что касается самого Василия Темного, то он не мог унаследовать опыт своего отца Василия Дмитриевича по той простой причине, что к моменту кончины отца имел всего 10 лет отроду...

В этой династической ситуации Иван III должен был самостоятельно выработать эффективную линию поведения и методы решения военно-политических проблем. Задача была не из легких. Однако богато одаренная натура Ивана III, которого можно назвать Петром Великим русского средневековья, смогла успешно преодолеть все трудности.

Заключение

Возвращаясь к вопросу о московской династической парадигме. Действительно, прослеживается некое сходство судеб московских князей. Но сходство это состоит не в однообразном повторении одного и того же типа, как утверждал Ключевский, а напротив, в отсутствии сколько-нибудь устойчивого психологического типа. Почитая гробницы своих предков в Архангельском соборе, московские князья решали свои проблемы, не оглядываясь на старину и обычаи. Их наставником была реальность. Практически ни один из московских князей по той или иной причине не имел обычной школы управления – строгой отцовской выучки. Каждый

самостоятельно постигал сложное ремесло правителя. И кто знает, не в этом ли секрет исторических успехов потомков Даниила. Пасынки судьбы, они вынуждены были искать свой собственный путь и не бояться смелых решений. Но именно это умение быстро приспосабливаться к меняющимся обстоятельствам и находить смелые решения было и остается душой всякой успешной политики.

Литература:

1. Борисов Н. С. Русская церковь в политической борьбе XIV – XV веков. М.: Изд-во Московского университета, 1986. 207 с.
2. Бунташный век. М.: Молодая гвардия, 1983. 570 с.
3. Герберштейн С. Записки о Московии. М.: Изд-во Московского университета, 1988. 429 с.
4. Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV – XV вв.) М.: Наука, 1975. 519 с.
5. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV – XVI вв. М.-Л.: Акад. наук СССР, 1950. 587 с.
6. Зимин А. А. Витязь на распутье. Феодалная война в России XV в. М.: Мысль, 1991. 286 с.
7. Ключевский В. О. Сочинения. В 9 т. Т.2. М.: Мысль, 1988. 447 с.
8. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.: Языки рус. культуры, 2000. 692 с.

Борисов Николай Сергеевич. E-mail: muksalma@mail.ru

Дата поступления 31.10.2018

Дата принятия к публикации 10.12.2018

FAMILY ATTITUDES AND PERSONALITY PECULIARITIES IN THE POLICY OF THE MOSCOW PRINCES OF THE XIV-XV CENTURIES

DOI: 10.25629/HC.2018.12.02

BORISOV N.S.

Moscow State University named after MV Lomonosov. Russia Moscow

Abstract. The common assumption on the hereditary character of the policy of Moscow princes goes back to the “Course of Russian history” by V.O.Klyuchevsky. According to Klyuchevsky, the descendants of Daniel of Moscow were a reproduction of the same family type - a lengthy row of mediocrities. This interpretation was organically linked with the overall picture of the national history created by the historian. It served as one of the components of the famous historical paradox by Klyuchevsky: in the history of Russia, low-level people accomplished great things. While appreciating the Klyuchevsky’s literary skills, a weak credibility of his proposed scheme must be recognized. Moscow Chronicles of the fourteenth to the fifteenth century demonstrate that the main condition for the development of a sustainable family type of political behavior, a direct inheritance of power from the father to the son and the transfer of power skills "from hand to hand", was a far distant dream of a Moscow princely house. Due to a number of circumstances, the inheritance trajectory of supreme power by the descendants of Daniel lined up with an unexpected and unpredictable zigzags. Fathers usually went to a better world without having had time to transfer their political experience, their system of moral priorities to their sons. However, while losing on one field, the Moscow house won on the other area. Most of the Moscow princes were not burdened with their father's imperatives and built their own policies. This freedom of action contributed to a more productive choice of goals and means of political struggle.

Keywords: Rise of Moscow, Daniel of Moscow, Ivan Kalita, Proud Semyon, Dmitry Donskoy.

References:

1. Borisov N.S. *Russkaya tserkov' v politicheskoy bor'be XIV – XV vekov* [The Russian Church in the Political Struggle of the 14th - 15th Centuries]. Moscow: Publishing House of Moscow University, 1986. 207 p.
2. *Buntashnyy vek* [The rebellious age]. Moscow: Molodaya gvardiya, 1983. 570 p.
3. Gerbershteyn S. *Zapiski o Moskovii* [Notes about Muscovy]. Moscow: Moscow University Publishing House, 1988. 429 p.
4. Grekov I. B. *Vostochnaya Yevropa i upadok Zolotoy Ordy (na rubezhe XIV – XV vv.)* [Eastern Europe and the decline of the Golden Horde (at the turn of the XIV - XV centuries)]. Moscow: Nauka, 1975. 519 p.
5. *Dukhovnyye i dogovornyye gramoty velikikh i udel'nykh knyazey XIV – XVI vv.* [The spiritual and contractual letters of the great and appanage princes of the XIV - XVI centuries]. Academy of Sciences of the USSR, 1950. 587 p.
6. Zimin A. A. *Vityaz' na rasput'ye. Feodal'naya voyna v Rossii XV v* [Vityaz at the crossroads. The feudal war in Russia XV century.] Moscow: Mysl', 1991. 286 p.
7. Klyuchevskiy V. O. *Sochineniya* [Works]. In 9 vol. V. 2. Moscow: Mysl', 1988. 447 p.
8. *Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov* [Novgorod first chronicle of the senior and junior izvodov]. Moscow: YAzyki russkoy kul'tury, 2000. 692 z.

Borisov Nikolay Sergeevich. E-mail: muksalma@mail.ru

Date of receipt 31.10.2018

Date of acceptance 10.12.2018